

Пришёл однажды Урал в «Урал»

55 лет журнала-юбилея – это 660 номеров, тираж в 40 миллионов журнальных книжек за все годы, а ещё...

Ирина КЛЕПИКОВА

Накануне юбилея «Урал» подготовил собственную статистику. Впечатляющие цифры – в подзаголовке. Но это не всё. Как подсчитать точное число авторов, если, даже по среднеарифметическому за номер, их количество превышает десятки тысяч? А ещё ведь бывают встречи, которые достойны включения в анналы. Одна из них случилась как раз за месяц до юбилея.

– Да, любопытная история, – рассказывает главный редактор «Урала» Олег БОГАЕВ. – Рано утром, часов в девять, приходит человек. Достаточно интеллигентного вида. Разумеется, со стихами. Представляется. Меня поразило имя – Урал. А фамилия, вы не поверите, – Мамин (сразу аналогия с Маминим-Сибиряком). Возраст – 55... Ну как тут без расспросов? Выяснилось: его отец публиковался в первых номерах «Урала», в честь журнала и назвал сына.

– Невероятно! Нарочно будешь думать – не выдаешь. И что же, подошёл Урал «Уралу» как автор?

– Разумеется, нет. Знаете, сколько у нас со стихами и прозой авторов бывает?!
– Представляю... Тем интереснее, сколько рукописей доходит до публикации?

– 0,5 процента! У нас в «Урале» такое ощущение, что сегодня все пишут. Стихи, пьесы, рассказы. Весь Екатеринбург, весь Урал. Просто взрыв литературного творчества. Всеобщее заблуждение: я уж думаю (улыбается): сотрудникам надо молоко за вредность давать. Ведь не просто же отказать автору – и всё! Тому же нашему Уралу Борисовичу надо было растолковать, почему. А чтобы

У Олега Богаева на даче есть телескоп. Мечта детства! Так что жизнь «Урала» сверяется не только по классикам, но и... звёздам

ответить – надо прочитать рукопись.

– Не пытались сами себе объяснить причины литературного бума в обществе?

– Раньше, чтобы начать писать, человек должен был постичь хотя бы ремесло. Бродский с незаконченным 8-летним образованием – единственный случай. Сегодня самовыражение в слове доступно любому. Ретранслировать слово в пространство стало легко... Очень много стихов связано с политикой. Недовольство рифмуется. Стихи стали более социальными. Не дали пенсию или дали мало – человек жалуются не в горлом, а музе.

– «Шинель» Гоголя – вот образец для «Урала!» – когда-то сказали вы. Как совместить традиции русской литературы, ориентир на человека с обвалом графомании?

– Графомана видно сразу, даже – по способу организации текста. Талант – тоже. На днях, прибираясь в шка-

фу, наткнулся на выпавший из какой-то книги листок. Прочитал. Вроде Набоков? Так и оказалось – его «Камера обскура».

Опытный редактор видит автора. Чувствует. Слушается – написано нелепо, но – мысль свежая, образ живой. Да, подчас нужна гигантская работа, чтобы «доставить текст», но – мы идём на это. Даже если рукопись – «не формат». Новую рубрику для неё придумаем!

Если бы мы печатали только шедевры, то выходили бы раз в десять лет. Но в таких случаях мало, когда надо «сделать из Буратино говорящего человека». Вот пришёл в редакцию Андрей Васильев – текст странный, в каждой строчке – одно предложение. Как стихи. Но он сообщил миру такие свои эмоции, что... мы потом обсуждение его романа устраивали.

– 55 лет – радостно или грустно? Юбилей, как ни крути, – стадия старения...
– Во всём – свой отсчёт.

Журнал в 55 лет – это примерно как человек лет в 17. Правда- правда! «Урал» – очень молодой журнал. Во всяком случае – такое ощущение. Может, оттого, что редакция молодая?

При этом сколько времен пережило! «Урал» переходил на самокооперацию, выходил из госструктуры – и опять вернулся. И правильно. Без поддержки власти (спасибо учреждениям – правительству области) он вряд ли мог выжить. Просто – выжить.

– В коридоре редакции, на видном месте – портреты всех редакторов «Урала»: Коряков, Краснов, Очеретин, Лукьянин, Коляда. Дать уважения предшественникам? Или лучше в них секса, их практике редактор Олег Богаев пытается использовать?

– Когда знакомился с судьбами редакторов «Урала», понимаю: всех объединяло главное. Литература – дело очень тонкое. Тут, как при

рождении ребёнка, – не навредить. Помочь родиться новому произведению. Не искалечить. Мы – та дверь, которая пускает произведение в мир. В советские времена, конечно, была «решётка», связанная с идеологией, цензурой, но от принципов редакторы «Урала» не отступали.

– Вы моложе «Урала», но явно же интересовались, про что и как писал журнал ещё до вашего рождения?

– Да, контекст «Урала» – по годам, десятилетиям – любопытен. В конце 50-х – начале 60-х годов авторы проживали мир социальных вопросов. Вот я пьесу читал, где пафос – людям нужно жильё. Или: на полном серьёзе журнал писал о работнице общественного питания, которая, несмотря на сложную жизнь, хорошо готовит обед. В 60-е – «подзамок-розка». «Пошли внутрь», больше внимания – психологии, внутреннему миру. Темы – любовь, случайная гибель хорошего человека. Идёт поиск героя. И они его нашли (в отличие от нашего времени) – человека с яркой жизненной позицией... 70-е – в литературе вдруг увидели возможность совершать стилистические открытия. А ещё – резко увеличилось число произведений о войне, возникла потребность осмыслить её события и героев. 80-е – безвременье, период ожидания. Произведения более философские. И вдруг «хлынули» имена, о которых мы только слышали. В «Урале» появляются Кафка, Набоков... 90-е – стали возможны произведения, которые прежде были невозможны. На экране – «Маленькая Вера». И литература ищет кратчайший путь к читателю, а это темы секса, насилия. Но благодаря Валентину Петровичу Лукьянину «Урал» не стал «сливным бачком». Напротив. В перестройку отдел публицистики здесь

был одним из самых сильных. А знаменитую статью Горячевой сначала опубликовали здесь, а уж потом – в Москве.

А дальше «Урал» приглашает Николая Коляду, человека яркого, открытого, который мог помочь журналу даже своим именем. И чрезвычайно ценно: при Коляде в «Урале» появилась драматургия. Талантливая!

– Два года назад, вступая на должность редактора, вы сетовали: «Мне никогда не обладать харизмой, которая есть у Коляды...». Тем не менее в редакции, вокруг журнала всё больше публичных событий. Презентация номеров. Обсуждения отдельных публикаций. Выпуск CD-дисков. Видеопрезентация. Уже и трамвай с именем «Урал» по городу курсирует...

– Чем отличается человек, который в 17 или в 50 лет впервые принёс в журнал рукопись, от лауреата Нобелевской премии по литературе Мо Яна? Только уровнем мастерства. Всё, что мы делаем, – для наших читателей, наших авторов. Интересно ведь не здание с вывеской журнала, а живые люди, живой литературный продукт. Мы должны видеть глаза читателей. При «Урале» уже образовался фан-клуб, наши единомышленники. Молодёжь! И никакая «сеть», электронные базы данных не заменят этого общения.

– Тем не менее вы переводите свои архивы в электронный вид...

– Да, материалы с 1958 года оцифрованы. Слов нет, читать повесть ли, роман ли лучше на материальном носителе, ощущая его живое тепло, энергетику. Но как жителю Камчатки узнать, с чего начинался «Урал»? А у нас есть читатели даже там, на Камчатке...

ПРЯМАЯ РЕЧЬ «Урал» глазами друзей и авторов

Виталий ВОЛОВИЧ, художник

– Мое участие в работе журнала «Урал» было эпизодическим, но его присутствие в моей жизни, влияние и значение – постоянными. И это естественно, ведь мы много лет работаем в одном культурном пространстве, у нас общие цели, и уже в силу этого мы всегда рядом. Но мне все же хотелось бы преодолеть некую недостаточность наших отношений и сделать их более существенными. Поэтому я придумал подарить «Уралу» одну из своих гравюр, надеясь, что её присутствие в редакции будет свидетельством и моего уважения к работе журнала, и моей готовности к более тесному сотрудничеству.

Майя НИКУЛИНА, поэт, краевед

– То, что журнал «Урал» выжил в переломные и смутные 80–90-е годы, когда прекратили свое существование почти все региональные журналы страны, вовсе не является случайным. Дело в том, что «Урал» – журнал действительно наш, уральский, и обладает безусловными достоинствами именно этого места: готовностью к мобилизации, надежностью и способностью совершать невозможное. Потому что, согласно здешним представлениям, пока живы земельное богатство и человеческое мастерство, у нас есть будущее.

Леонид ЮЗЕФОВИЧ, прозаик, кинорежиссер

– Мое дебютное повесть «Урал» опубликовал в 1977 году, вторую – в 1980-м. Здесь же затем печатался и первый мой роман.

В те годы я приезжал в Свердловск с пермским поездом, но поскольку прибывал он рано утром, а приходиться в редакцию раньше одиннадцати было неприлично, несколько часов я сидел в Харитоновском парке или бесцельно шлепал по городу в радостном предвкушении встречи с людьми, которые, как я теперь понимаю, относились ко мне серьезнее, чем я заслуживал.

В молодости провинциальному литератору найти таких людей трудно. Эти несколько часов между прибытием поезда и тем моментом, когда можно будет зайти на Малышева, 24 (этот адрес огненными буквами впечатан в мою память), я вспоминаю как редкие часы ничем не омраченного счастья.

Герман ДРОБИЦ, прозаик, поэт

– Большая часть жизни «Урала» связана с советской эпохой. В старом анекдоте человека принимают в КПСС и спрашивают: «Были ли у вас колебания в отношении линии партии?». Он отвечает: «Коллебался вместе с линией партии». Вот и «Урал» в советские годы колебался вместе с линией партии. А сегодня он колеблется самостоятельно. Его содержание всецело зависит от воззрений, предпочтений и вкусов его творческого коллектива. С чем я «Урал» и поздравляю!

Леонид БЫКОВ, литературный критик

– «Урал», всегда говорю, – мой второй, после УрГУ, университет. Здесь меня впервые напечатали. После той, сорокалетней давности, дебютной рецензии было много творческих семинаров, где доводилось быть сначала руководимым, а потом и руководителем, но, как бы ни были полезны уроки этих встреч, школой критического письма стал для меня именно наш журнал. Его публикации, его редакторы, его авторы.

Критика в «Урале» никогда не была провинциальной. И я обрадовался слова благодарности Нине Андреевне Полозковой, под чьим умным приглядом отдел критики в журнале был в те годы. Да и по сей день знакомство с новым номером «Урала» почти всегда начинаю со второй его половины, с интересом внимаю монологу Юрия Казаринова и Василия Ширяева, статей Лидии Слобожановой и Андрея Растрогуева, рецензиям Марии Литовской и Константина Комарова...

Анна МАТВЕЕВА, писатель

– В 1999 году я стала писателем. То есть, конечно, писала и раньше – но мне кто-то объяснил (кто-то известный, но все равно не запомнившийся), что всерьез считать себя литератором можно только после, как твоё сочинение опубликует в журнале. Причем, не в глянце, а в литературном. Опубликует – писатель. Нет – значит, кто-то другой.

Первым литературным журналом, принявшим к публикации мой рассказ, был «Урал». Тогда ми руководил Николай Коляда – он же и выкопал из кучи присланных на рассмотрение сочинений мою «Супертаню». Вот так я стала настоящим писателем, и это событие навсегда связано в моей памяти с «Уралом». С днем рождения, любимый журнал!

ФОТОФАКТ

Четыре месяца до юбилея «Урал» вёл подписку на журнал в фирменном транспорте

Мережковский

Байки про то, что происходит иногда в редакции

Андрей ИЛЬЕНКОВ

Вот раз сижу я на работе в редакции, что называется, работаю. И, как время от времени это бывает, поражаюсь: какая же у меня все-таки интеллигентная работа! Сплошь одни писатели кругом! Каждый день приходят писатели, как поодиночке, так и целыми делегациями. И не только такие писатели, которых каждый дурак знает, а и такие, которых знают только в узком кругу тонких ценителей. И даже такие, которых никто не знает. И даже такие, которых никто никогда знать не будет. Со всеми новинками литературы тут повнею знакомы, инда одуреешь. И разговоры тоже очень интеллигентные.

Вот намедни тоже приходит один писатель. Точнее, поэт. Ну совершенно никомушеньки не известный! Хотя лет ему много. Наверное, семьдесят. А может, и все восемьдесят. И заводит он со мной этакую утонченную изысканный богемный разговор. Он сначала вежливо здоровается, потом интеллигентно покашливает и заводит разговор о русской литературе Серебряного века. Он спрашивает меня:

– А что, Мережковский-то, кажется, ведь еврей?

– Разговаривал, а то как же! Я ему свои стихи принес. А он прочитал – и вижу, нос воротит. И нет, чтобы так просто и ответить – давай

А я таки с жизнью и творчеством Д.С. Мережковского более или менее знаком. Я светски улыбаюсь и отвечаю:

– Вы знаете, я, конечно, не берусь категорически утверждать, но, насколько мне известно, нет. И даже трудно поверить, чтобы он был евреем. Его отец, как вам, вероятно, известно, был крупным петербургским чиновником, а ведь в те времена...

Тут я замаялся, не зная, как политкорректно высказать простое положение, что в Российской империи евреи редко бывали крупными петербургскими чиновниками.

Но поэт задумчиво покачал плечевой головой и потом решительно возражает:

– А по-моему, так он еврей. Уж мне ли евреев не знать! Я их повидал на своем веку, за версту чую. Я как на него поглядел, так с первого взгляда понял – еврей! И манера разговора такая, как бы сказать, чисто еврейская.

Я пораженно спрашиваю: – Как, вы с ним разговаривали?!

Дед запросто так отвечает:

– Разговаривал, а то как же! Я ему свои стихи принес. А он прочитал – и вижу, нос воротит. И нет, чтобы так просто и ответить – давай

чего-то хитрить, крутить, чисто еврей. И что-то в лице тоже такое есть.

Я думаю: когда же это он с Мережковским встречался? До революции-то едва ли. Потому что даже если ему восемьдесят лет, да хоть сто, все равно не мог он тогда стихи писать. Неужели же в эмиграции? Так ведь это очень было непросто для советского человека в те времена. Неужто же он в сталинские времена во Францию был? Дипломат, что ли, бывший?

И, очень заинтересованным таким оборотом дела, я спрашиваю: «А давно это было? В каком году?»

Дед отвечает: «В каком году?! Да, емть, вот только что! Он там, по коридору направо!»

Тут до меня наконец доперло: «А!» Так это вы не с Мережковским разговаривали. Это Мережников, Николай Яковлевич, наш редактор отдела поэзии.

Дед говорит: «А-а, Мережников... Это я перепутал, значит, малость. А Мережников-то ваш что, еврей?»

Ну тут мне уже неинтересно стало разговаривать. Я отвечаю: «Мережников еврей? Ну, не знаю, впервые такое слышу. Вы уж извините, у меня тут работы много.»

Сэлинджер? На доработку!

10 фактов, которые потрясли литературный мир

● Знаменитый роман Джозефа Хеллера «Уловка—22» впервые на русском языке печатался в 1967 г. в журнале «Урал» – из номера в номер. В разделе «Сатира и юмор».

● По одной из версий, «Урал» стал невольным виновником того, что великий Сэлинджер навсегда замолчал во второй половине 1960-х гг.: узнав о грандиозном успехе уральской публикации Хеллера, Сэлинджер переправил в «Урал» рукопись своей новой повести. Однако рукопись ему вернули на доработку. Сэлинджер был так потрясен, что с тех пор не обновлял ни строчки.

● К советскому читателю Агата Кристи впервые пришла со страниц журнала «Урал». Здесь же был напечатан и один из самых знаменитых ее романов «Убийство в Восточном экспрессе».

● Братья Стругацкие в начале своего творческого пути были авторами «Урала». Именно здесь в 1961 г. появилась их повесть «Полдень, XXI век», привлекая к ним внимание всевозможной читательской аудитории.

● Известная резолюция Эдуарда Росселя «Урал нам нужен!», помогавшая сохранить журнал в конце прошлого века, является невольной цитатой. В 1961 г. в «Урале» был опубликован роман Грэма Грина «Секретный агент», посвященный специфике работы спецслужб. После чего Юрий Андропов, якобы, сказал на одном из закрытых совещаний своего ведомства: «Внимательно читайте этот журнал, «Урал» нам нужен».

● В «Урале» есть авторы, которые печатаются на его страницах с года основания и по настоящий день. Среди них – очеркист и прозаик Владимир Турунтаев, литературовед Лидия Слобжанкина.

● С журналом «Урал» связана одна из самых оригинальных литературных мистификаций советской поры. В начале 70-х годов прошлого века «Урал» открыл очередной номер пространством письмом французского рабочего, поведавшего о том, какой восторг вызвало у него посещение Свердловска и ос-

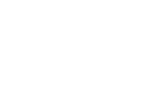
бенно Первоуральска, после чего родной Париж кажется ему серым, гадким и постылым. Вскоре тогдашний главный редактор Вадим Очеретин был вызван в «органы» для объяснений: каким образом парижский пролетарий очутился в закрытых уральских городах? Очеретину пришлось признать, что он сам сочинил это письмо с целью патристического воспитания молодежи.

● Свой знаменитый рассказ «Антилидер» (1983) классик современной российской литературы Владимир Маканин опубликовал именно в «Урале», после того как ни один столичный журнал не рискнул его напечатать. «Урал» рискнул. С тех пор рассказ был переиздан сотни раз на десятках языков.

● В 1984 году первый секретарь Свердловского обкома партии Борис Ельцин обвинил «Урал» в публикации ряда антисоветских произведений и объявил строгий выговор главному редактору. Но несколькими годами позже именно «Урал» напечатал его «Исповедь на заданную тему», которая зафиксировала окончательный разрыв народного депутата Ельцина с советской системой.

Театр начинается с вешалки, журнал – с обложки. Так выглядел «Урал» в разные годы

Ирина КЛЕПИКОВА